

Екатерина
Лин

*Маска не способна
скрыть тайну
проклятой крови...*

З
АВЕСА
ДАРКАМАРА

Екатерина Лин

*D*АВЕСА
АРКАМАРА

Через восемнадцать лет после трагедии, отнявшей жизни ее родных, Ева возвращается в Будапешт — город, где все и случилось. Надеясь найти исцеление от наследственного недуга, она оказывается втянутой в противостояние со зловещим вампирским Домом и его наследником, с которым их когда-то связала особая клятва...

Часть 1

ЗОВ ТВОЕГО СЕРДЦА

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

В ДЕВЯТЬ ЛЕТ я решила жить вечно. И даже придумала план, как это осуществить. Мое упрямство в то время было под стать воображению, поэтому план вышел так себе, но я решила, что непременно его реализую и добьюсь своего: найду в мрачном подполе амброзию, сотворю философский камень или наворую полные карманы яблок из сада Гесперид*.

Использую все шансы, что даст судьба, а потом вырасту, отомщу мальчишкам, невзлюбившим меня в школе, и из принципа переживу их всех. Узнаю мир и дам возможность миру узнать меня. Стану кем угодно, только не перепуганной девчонкой в кабинете врача.

— Прошу, присаживайтесь, мисс Грант. Разговор будет непростым.

За годы в покое и любви я совсем забыла, каким на самом деле мог быть мир. Поверила, что чудеса случаются, а сны о пожаре и мертвом мальчишке — всего лишь кошмары, которые уже не смогут никому навредить.

— Неужели все так плохо? — спросила я, только чтобы заглушить сумасшедшее биение сердца, не дававшее вдохнуть полной грудью.

Никогда бы не подумала, что детские мечты о бессмертии, забытые уже к десятому дню рождения, когда моя беспокойная душа возжелала новую Барби и велосипед с

---

* Двенадцатый подвиг Геракла — похищение золотых яблок из священного сада Гесперид, охраняемого бессмертным драконом Ладонем и титаном Атласом (*здесь и далее примечания редактора*).

синей ленточкой на руле, достигнут меня вновь в тесном врачебном кабинете много лет спустя. В день, когда собственное тело восстанет против меня, а мысли клыками изранят душу до крови.

— Я бы не стал высказываться столь категорично.

— Пытаетесь воскресить мою надежду на выздоровление, доктор? Я ценю.

Я медленно села.

— Не желаете воды? — услужливо предложил мой собеседник, на секунду оторвавшись от изучения результатов последнего МРТ.

На черно-белых снимках мозг — непостижимый и сложный механизм, управляющий моей жизнью, — скорее напоминал расколотый надвое орех в лепестках полевых цветов, чем живую ткань. Зло во плоти. Мой главный враг и мучитель. Так вот он какой!

— Давайте поскорее перейдем к сути, — попросила я.

Ждать мне не нравилось, проигрывать — тоже.

— А вы нетерпеливы, мисс Грант.

Детские мечты тяжелым грузом обрушились мне на плечи, но я устояла под их натиском, решив играть взрослою и серьезную даму так долго, на сколько хватит сил.

— Убивайте меня смелее, доктор. Хуже от ваших слов уже точно не станет.

Дурачиться до самого конца было глупой затеей, но я не смогла придумать ничего лучше. Юмор всегда казался мне надежной защитой, поэтому я улыбнулась, лениво закинула ногу на ногу и вошла в роль дурочки, что всегда удавалось мне особенно хорошо.

— Мисс Ева, насколько я могу судить, ваш мозг в полном порядке.

Я так долго ждала диагноза — или вердикта, — что теперь почувствовала себя обманутой. Не доктор ли обещал мне ответы на вопросы после «финального и самого важного исследования»? Он и многие другие доктора до него. Каждый, у кого я успела побывать за последние месяцы в тщетной попытке побороть болезнь и отчаяние, все крепче сжимавшее горло.

— Хотите сказать, я не больна?

Отчего-то озвученная новость не показалась мне хорошей.

— Не совсем. — Доктор откинулся на спинку стула и пытливо взглянул на меня. — Собственный организм вас убивает, сводит с ума, если изволите, и мы все еще не знаем почему. Понятия не имеем, как с этим бороться.

— И это все, что вы можете сказать?

Природное упрямство не позволило мне сдаться легко.

— К сожалению, сложно починить то, что не сломано.

Я хотела, чтобы доктор рассмеялся собственной не смешной шутке и списал мой последний припадок на репетиции в театре, недосып, неудачную диету и что угодно еще, вернув отмеренное судьбой время назад в дырявые карманы, но он остался пугающе серьезным, пожалев для меня даже улыбки. Словно происходящее было правдой, пугающей истиной, с которой и спорить глупо.

— Боюсь, в вашем случае дело в плохой наследственности, мисс Грант, и неудачной генетической лотерее, — сказал доктор, а потом потянулся вперед и крепко ухватил меня за руку, словно боялся, что я сбегу или даже умру на месте, не попытайся он меня утешить. — Если бы я мог обследовать кого-то из ваших старших родственников по женской линии, скажем мать или бабушку, а потом взять анализы и провести некоторые исследования, мы могли бы сделать больше.

Похоже, бросаться громкими словами вроде «вылечить» или «спасти» он не спешил даже с оглядкой на немаленькую сумму денег, что отец посулил за счастливый исход. Плохой знак, очень и очень скверный. Если уж обещания Малкольма Гранта не помогли, то что сможет?

— Меня удочерили, — хмуро напомнила я, хотя врач и так прочел это в моей медицинской карте. — Другие идеи есть?

Грубость, не имевшая никакого смысла, заставила его нахмуриться, но не смягчила моего сердца. Мне не стало легче. И все же злость оказалась лучше, чем грусть и бесконечные раздумья о будущем.

— Мы можем скорректировать план лечения и попробовать что-то новое, привлечь специалистов и купить экспериментальное лекарство в Штатах. Я возьму деньги мистера Гранта, назначу новый препарат и буду следить за вашим состоянием со всем чаянием, но едва ли это приведет к приемлемым результатам или успокоит мою совесть.

Я заглянула ему в глаза, нетерпеливо ожидая продолжения. Так прямо и открыто со мной уже давно никто не разговаривал, и, как ни странно, это ударило по хрупкому эго больше, чем мне того хотелось.

— И сколько мне осталось?

— Год или два. Сложно сказать наверняка.

Вот так просто. Обстоятельства не позволили мне поблагодарить за честность, и все же я кивнула. А потом представила все оставшиеся дни, минуты и часы. Постаралась объять их, прочувствовать и сосчитать. Но быстро сбилась и оставила попытки.

— Как все будет?

— Как мы убедились, ваш контроль над телом слабеет после каждого приступа. Вероятно, вскоре вы совсем его потеряете. Видения станут сильнее, а повреждения сознания — интенсивнее.

Выходит, сумасшествие и комната с мягкими стенами в каком-нибудь приличном заведении, что, несомненно, подберет отец, и есть мое будущее? Только это ждет впереди?

Мне, с детства страдавшей лишь редкими простудами, чрезмерной бледностью и легкой аллергией на серебро, было трудно принять такую перемену.

— Как свеча, — тихо прокомментировала я и усмехнулась.

— Что, простите?

— Теперь я, должно быть, напоминаю догорающую свечу. Огарок, что вот-вот зальют водой и выбросят.

— Признаться, о таком сравнении я даже не подумал. Звучит очень трагично! Но не стоит отчаиваться!

Мы помолчали. Моя рука непроизвольно потянулась к желтоватому синяку, изуродовавшему предплечье в особенно сильный приступ накануне.

— Спасибо за честность. И за то, что хотя бы попытались помочь. — Я подхватила сумочку, резко поднялась и зашагала к выходу, собираясь сбежать не попрощавшись, но доктор помешал мне, в последний момент подскочив и заслонив путь к двери.

Высокий и подтянутый, он показался мне великаном из забытых детских книжек, злым и коварным, как и все его сказочные собратья.

— Я действительно не могу помочь вам, но это не значит, что никто другой не сможет.

И все же есть в великанах нечто особенное, чарующее и магическое: им веришь, даже понимая, что никакой надежды нет. Когда они сами выбивают эту глушую и пустую веру прямо у тебя из-под ног.

— Хотите сказать, вы знаете человека, который сможет меня вылечить? — Голос предательски дрогнул от подкатившей к горлу тревоги, но взгляд, хотелось верить, остался твердым. — Разобраться, что именно во мне сломалось?

Я хотела жить, хотела чуда, но запретила себе верить в него и представлять счастливый исход, до которого по-прежнему оставалось как до луны и обратно и даже дальше. Невыразимо, невозможно далеко. Так, что мне ни за что не дотянуться.

— Мисс Грант, если позволите, я передам вам контакты одного заграничного коллеги. Он настоящее светило медицины. Но попасть к нему будет нелегко и весьма затратно.

— Деньги не проблема, — спешно заверила я.

Отчего-то его предложение, столь щедрое и неожиданное, напоминало сделку с дьяволом. С погубленной душой, кровью и контрактом, на который мне не дали взглянуть. И все же устоять перед соблазном все исправить оказалось нелегко, даже невозможно. Да и чем мне было рисковать? Парой лет, испорченных приступами и сожалениями? И пусть сожалеть я умела как никто другой, доходить до крайностей в этот раз почему-то не хотелось.

— Погодите минутку.

Покопавшись в ящике письменного стола, слишком старого и вычурного на фоне прочей безликой обстановки, доктор извлек из стопки медицинских бумаг визитку и настойчиво протянул мне.

Я послушно взяла карточку. Доктор выпустил ее из рук не сразу, неохотно и с улыбкой, мелькнувшей в уголках тонких губ. Эта улыбка совсем мне не понравилась, но вернуть визитку, швырнув ее доктору прямо в лицо, я все же не решилась. Вместо этого я крепче сжала подарок в руках, провела пальцами по тисненным золотой нитью буквам и, повторив их сложный узор, попыталась найти мрачный скрытый смысл, незаметный на первый взгляд.

Визитка казалась совершенно обычной. Для меня она была очередным шансом. А может, тем единственным, что готовы дать равнодушные боги.

— Спасибо.

Принять, что мне уже никогда не выступать в большом театре, снова не сняться в кино и просто не выйти на сцену, задыхаясь от чужих взглядов и горячего, как полуденное солнце, света прожекторов, оказалось тяжело, но я почти смирилась. Убедила себя, что это — мой рок и плата за выживание. Но теперь...

«Ласло Балаш, частный врач. Будапешт, Венгрия».

Я прочла карточку трижды, каждый раз упуская нечто важное из того, что трудно заметить, хотя оно на виду. Недостающую мелочь. Конечно!

— Но здесь ведь нет точного адреса и телефона? — Я подняла глаза на доктора, но тот только пожал плечами. — Вы предлагаете мне обойти город с картой и стучаться в каждую дверь?

Комментарий вышел надрывным, саркастичным и совершенно несмешным.

— Доктор Балаш уже много лет не берет пациентов с улицы. Чтобы попасть к нему на прием, вам понадобится провожатый из своих. Если позволите, я подниму старые связи и найму для вас подходящего человека. Он встретит вас в аэропорту и сопроводит в лечебницу.

Его страстное желание помочь беспокоило все сильнее. Трудно было поверить в бескорыстность, когда вокруг меня все было связано лишь с бизнесом, выгодой и суетой. Конечно, отец щедро одарит его, но только ли в этом дело?

— Провожатый будет мужчиной? — не сдержавшись, спросила я.

После летней истории с Роуэном я старалась не допускать ситуаций, которые обещали закончиться плохо, и намеренно держалась от мужчин подальше. Конечно, я могла сколько угодно притворяться, что никакого проклятия нет и случившееся с нами тем вечером — просто стечение гнусных обстоятельств, но поверить в случайность так и не смогла. Сын моих приемных родителей пострадал из-за меня, и этого уже не изменить.

— Моя знакомая — женщина. Вам не о чем переживать.

О, поводов для переживаний у меня было достаточно даже без его слов! То же возвращение Роуэна на рождественские праздники. Необходимость говорить, улыбаться и дышать одним с ним воздухом всего через пару месяцев. Так скоро, что мне становилось не по себе.

— Мисс Грант?

Я обещала не вспоминать о том дне, но в очередной раз нарушила данную себе клятву. И, задумавшись, пропустила последнюю фразу доктора мимо ушей. К счастью, он любезно повторил:

— Мы с Ласло учились вместе много лет назад. За его профессионализм я готов поручиться головой.

Представив, как светлая докторская голова будет смотреться среди хищных чучел в охотничьей комнате отца, если все пойдет не по плану и не оправдает ожиданий семьи, я невольно усмехнулась. И почему люди вечно не представляют, о чем говорят?

— Кажется, ваш доктор Балаш и правда особенный, — пробормотала я.

Мы вернулись к красивому докторскому столу и, вновь превратившись во врача и пациентку, расположились на-

против друг друга, но будто в разных мирах. Еще никогда пропасть между нами не казалась мне такой огромной, непреодолимой и почти осязаемой.

— Так вы воспользуетесь визиткой? — будто не услышав моих слов, спросил доктор.

Мне почудилось, или в его голосе промелькнули искренний интерес и нечто очень близкое к... опасению и даже страху? Сдвинувшись на самый краешек стула, я внимательно посмотрела на доктора, но тот успел сменить выражение лица на уже знакомое приторно-участливое.

Плохой актер. Деревянный, неумелый и гротескный. Такой бы не продержался и года на учебной сцене, а может, и вылетел бы после первого семестра.

— И правда, что же мне с ней делать?

Вспомнив любимую привычку еще из театральной школы и далекой теперь жизни, я ответила вопросом на вопрос, предоставив доктору простор для толкований. Однако мы оба знали, как именно я поступаю.

* * *

Сначала они заглянули в детскую. Не в бальную залу со звучащей музыкой и разодетыми по старой моде людьми, напоминавшими фарфоровых кукол, а в маленькую комнатку на втором этаже. Немного неожиданный выбор для тех, кто попал в дом по веревке через открытое настежь окно. Или то была лестница? Отсюда не рассмотреть. Восемнадцать лет спустя все как будто повторялось снова.

— Где остальные, детка? — осведомился высокий мужчина, а потом наклонился ко мне и с интересом заглянул в глаза, словно рассчитывал прочесть в них ответ.

В хороших сказках таким, как он, нужно разрешение, чтобы войти в дом, но это — жестокая жизнь, и в ней все перепуталось.

— Мама с папой ведь не оставили тебя одну дома?

Мне снова исполнилось шесть. Я стала собой из прошлого, до невозможности желавшей, чтобы незнакомцы ушли. Не спрашивали, не смотрели так, будто мы все перед ними виноваты, а просто ушли прочь, куда угодно, лишь бы подальше.

— Мама с папой никогда не оставляют меня одну.

Ответ ему понравился. Мужчина поднялся и, вмиг потеряв ко мне интерес, грубо командовал остальным. На его сапогах проявилось нечто алое, скользкое, страшное. Кровь. Тогда я решила, что это краска, но теперь, воскресив ту сцену с пугающей точностью, поняла, как сильно ошиблась.

— Прочь! — фыркнул мужчина, грубо оттолкнув меня от себя.

— Посмотри! — остановил его другой. — Разве эта не подойдет?

Все мужчины в комнате, слишком тесной для такой толпы, разом уставились на меня. Дверь в ванную отворилась, и на пороге появился знакомый мальчишка. Но как же не вовремя...

Прошло десять минут, восемнадцать долгих лет или целая жизнь, прежде чем внизу раздался крик, оборвав танцы и музыку на половине такта.

МИРАЖ

И... КОШМАР ВЕРНУЛ мне имя, но я забыла его, едва проснувшись. Вязкая тревога вытеснила видение из памяти, оставив лишь смутное, неуловимое воспоминание. Может, оно и к лучшему. Возвращаться к прошлому и искать нити, связывающие меня с городом, что годами преследовал в снах и оставался неясным миражом на горизонте, в мои планы точно не входило.

Теперь, когда все окончательно сгладилось и забылось, я встречу с доктором и уеду, едва представится возможность. Сделаю, что должно, и попрощаюсь с прошлым, ни разу не оглянувшись, как уже поступила когда-то. Точка. Мне незачем оставаться в Будапеште и вспоминать жизнь там. Роз, мертвых мальчиков и крови достаточно и в снах.

* * *

Тяжело накренившись на правый бок, самолет пробился сквозь плотную массу облаков и медленно пошел на снижение. Я взглянула в иллюминатор, но в ярком свете салона различила лишь собственное бледное отражение: болезненно худую, хрупкую и совсем незнакомую девчонку, готовую рискнуть всем, чтобы спасти свой разум от безумия. Даже вернуться в город, причинивший много боли... В Будапешт, все такой же великолепный, прекрасный и пугающий, как в день, когда я его покинула.

— Приведите спинку кресла в вертикальное положение, пожалуйста, — попросила стюардесса, одарив меня смущенной улыбкой.

Я послушно выровняла кресло, еще раз проверила, пристегнут ли ремень, а потом убрала телефон и наушники в карман перед сиденьем, но не почувствовала себя ни капельки лучше. Полеты выжимали все силы каждый чертов раз. Сложись актерская карьера иначе и как мне того хотелось — со съемками по миру и интервью бело-зубым ведущим светских новостей, — перелеты бы превратились в настоящую проблему, ведь с детства каждый из них становился для меня пыткой.

Теперь о старых страхах можно не переживать. Если неделя в Будапеште закончится провалом, чудовищным, но вполне ожидаемым, — все потеряет смысл. Какая разница, убьет меня падение сейчас или недуг несколькими годами позже? При хорошем раскладе — убьет, а не отправит в мир опасных грез...

Даже думать о плохом исходе было больно, но я настойчиво повторяла про себя слова доктора и как могла старалась смириться с судьбой и принять уготованное мне. Получалось не очень хорошо. Хотя раньше у меня всегда выходило подстраиваться под обстоятельства. А ведь еще недавно казалось, что смерть, взявшая плату жизнями самых дорогих людей, не вернется. На самом же деле все это время она шла по моим следам, чтобы явиться во всем величии сейчас. В момент, когда все наконец стало таким, каким я хотела видеть. Так некстати.

Стараясь отвлечься от густых и темных, как смола, мыслей, я нервно поправила шторку и снова посмотрела в иллюминатор, но не увидела за ним ничего, кроме объявшей мир черноты и капель дождя, сложившихся в замысловатый узор на толстом стекле.

Город внизу затаился. Замер, решив не показываться на глаза блудной дочери до последнего, пока не станет слишком поздно. Сколько бы я ни храбрилась перед путешествием, приблизиться к источнику своих кошмаров оказалось нелегко. Как и убедить себя, что иногда сны — это